

УДК 81`373.2

ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ И АВТОРСКИЙ ПОДХОД В ИМЕНОВАНИИ ГЕРОЕВ СКАЗОК А.С. ПУШКИНА

Виктория Михайловна Швецова

доктор филологических наук, профессор

vmsh72@yandex.ru

Юлия Сергеевна Наружная

студент

yulia.naruzhnaya@mail.ru

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

г. Тамбов, Россия

Аннотация. Статья посвящена оценке условий влияния фольклорных традиции и индивидуально-авторского подхода на процесс именования героев сказок А.С. Пушкина. На материале анализа антропонимикона пушкинских сказок устанавливаются и описываются способы трансформации фольклорных прототипов, а также механизмы создания авторских онимов, оценивается их роль в моделировании художественного мира. В работе обосновывается, что пушкинский подход к именванию героев отражает сложный синтез народной традиции и индивидуально-авторского сознания, что проявляется в имитативных и аллюзивных принципах языковой игры, в христианизации языческих образов, в наделении имен характеристической функцией.

Особое внимание уделяется связи авторской позиции с проявлениями культурной и национальной идентичности. Полученные результаты позволяют рассматривать антропонимикон пушкинских сказок как важнейший элемент художественной антропологии поэта.

Ключевые слова: фольклорная традиция, авторский подход, сказки А.С. Пушкина, антропонимика, антропонимикон, именование героев, языковая игра, культурная идентичность.

Проблема взаимодействия фольклорной традиции и авторского начала в литературной сказке остается одной из ключевых в современной филологии. Особую значимость этот вопрос приобретает при обращении к творчеству А.С. Пушкина, чьи сказки стали уникальным явлением. В них народная поэзия органично соединяется с индивидуальным художественным гением.

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения того, как в поэтике имени реализуется сложный синтез народных истоков и авторской интенции, как через систему антропонимов моделируется художественная картина мира, отражающая национальное своеобразие русской культуры. Как отмечает К.Б. Уразеева, «обращение к идеям М. Бахтина обосновано с позиций коммуникативной поэтики и касается таких вопросов, как автор и герой, концепция диалогизма, типы героизации. Такой подход стал основой для методик анализа авторской позиции в художественном произведении» [6].

Цель настоящей статьи – выявить специфику именования героев пушкинских сказок в аспекте пересечения фольклорной традиции и авторского подхода.

Изучение пушкинского фольклоризма имеет давнюю традицию, однако проблема именования героев в аспекте соотношения народного и авторского начал до сих пор не получила системного освещения. Между тем именно в антропонимике сказок А.С. Пушкина наиболее «рельефно» проявляется та «художественная антропология», о которой пишет К.Б. Уразеева, подчеркивая, что «рассмотрение авторского сознания в контексте полифонии смыслов приближает читателя к художественной антропологии Пушкина» [6].

В своем обращении к фольклору А.С. Пушкин опирался на глубокое знание народной культуры. Как отмечает М. Аллаги, «Александр Пушкин, которого можно считать отцом русской литературы, оказался под глубоким влиянием русских фольклорных традиций. Его обращение к народным истокам, мифам и устной традиции в целом не только несло в себе художественный потенциал, но и имело исследовательский интерес, отражая глубокое восприятие культурного наследия России» [3]. При этом истоки пушкинского фольклоризма следует

искать в осмыслении народности, которую поэт понимал, как «образ мыслей и чувствований», «тьму обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [3].

Для понимания специфики именования героев пушкинских сказок важно учитывать, что автор одновременно использует несколько источников, творчески перерабатывая как русские народные сказки, так и западноевропейские литературные образцы. Р. Якобсон отмечал, что «пушкинская техника – это техника коллажа», поясняя, что «персонажи пушкинских сказок, непременно заимствованные из западных источников – из сказок братьев Гримм, Ирвинга, Галлана, – представлены преимущественно в русском фольклорном обличье» [2]. Это наблюдение важно для анализа антропонимикона, поскольку позволяет увидеть, как в именах героев соединяются различные культурные традиции, переосмысленные в соответствии с авторским замыслом.

Е.В. Лобанова, исследуя пространственные модели и образы фольклора в сказках А.С. Пушкина, предлагает классификацию, которая помогает понять, из какого фольклорного пласта приходят те или иные персонажи. Она распределяет сказки поэта по группам [5]:

- героические («Руслан и Людмила»),
- мифологические или волшебно-сказочные («Сказка о царе Салтане»),
- сказочно-бытовые («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях»),
- новеллистически-бытовые или сатирическо-бытовые («Сказка о попе и о работнике его Балде»).

Каждой из этих групп соответствует определенный тип именования: от архаических мифологических имен до бытовых, подчеркнуто «простых» в сатирических сказках.

Обращаясь к фольклорным источникам, А.С. Пушкин не просто заимствует имена, но творчески их трансформирует. В этом процессе можно выделить несколько ключевых стратегий. Прежде всего, поэт сохраняет связь с

народной традицией, используя имена, имеющие глубокие фольклорные корни. Так, имя «Балда» из «Сказки о попе и о работнике его Балде» отсылает к народному представлению о балагуре, шутнике, однако в пушкинской трактовке это оно обретает новые смысловые оттенки. Как отмечает М. Аллаги, «Сказка о попе и о работнике его Балде» ... сатирическая народная сказка, которая буквально повторяет устный стиль повествования традиционных русских сказок. В ней сохраняются антиклерикальные настроения и напрямую перенимаются языковые модели и структура устного повествования» [3]. Имя «Балда» становится не просто прозвищем, а носителем социальной характеристики, инструментом социальной критики.

Особый интерес представляет «Сказка о медведихе», в которой А.С. Пушкин наделяет зверей человеческими качествами, закрепляя за ними принадлежность к определенному сословию: медведь – боярин, волк – дворянин, бобр – торговый гость, заяц – смерд. Этот прием антропоморфизации и социальной маркировки через именование имеет глубокие фольклорные корни и одновременно является проявлением авторского подхода.

Значимым аспектом авторского подхода является христианизация языческих по своей природе образов. К.Б. Уразеева на примере «Сказки о царе Салтане» показывает, как А.С. Пушкин трансформирует народную сказку, вводя христианские мотивы. Исследователь пишет: «анализ христианизации сюжета, образов, мотивов в сказке привел к статистической обработке, результаты которой были отражены в гистограмме «Метод работы Пушкина с русской народной сказке», которая наглядно показала частотность отступлений от сказочного канона как пример новаторства поэта в части моделирования авторского сознания и воплощения концептов Православия» [6, с. 23]. Хотя К.Б. Уразеева не фокусируется специально на антропонимике, ее выводы применимы к анализу имен. Образ Царевны-Лебеди, не имеющий имени в сказке, но наделенный чертами, сближающими героиню с Богородицей, по нашему мнению, следует рассматривать как пример такой христианизации.

В «Сказке о царе Салтане» обнаруживается еще один важный механизм авторского подхода – трансформация традиционного мотива трех испытаний. Как отмечает М. Аллаги, «вместо того чтобы герой выполнил три задания, чтобы получить желаемое (типичная народная структура), А.С. Пушкин превратил это в три чуда» [3]. Эта модификация имеет отношение к поэтике имени: каждое из чудес связано с определенным именем или безымянным образом, который приобретает символическое значение. Три девицы из «Сказки о царе Салтане», по его наблюдению, «напоминают мифологических древнегреческих Мойр, которые прядут нить судьбы человека» [3]. Это позволяет увидеть в отсутствии индивидуальных имен у трех сестер архаический мифологический подтекст.

Для анализа именованности героев пушкинских сказок продуктивным представляется подход, предложенный И.Ю. Вагановой и Т.А. Гридиной. Хотя их работа посвящена современной детской литературе, разработанные принципы анализа ономастикона могут быть применены к сказкам А.С. Пушкина. Ученые выделяют имитативный и аллюзивный принципы языковой игры при создании окказиональных онимов. Под *имитативным принципом* понимается подражание существующим моделям номинации, под *аллюзивным* – отсылка к прецедентным текстам, культурным и историческим реалиям [4]. Применительно к пушкинским сказкам это означает, что имена героев, с одной стороны, имитируют народные модели именованности, с другой – несут аллюзивную нагрузку.

Имя князя Гвидона представляет собой яркий пример такого синтеза. С одной стороны, оно имитирует народные имена, встречающиеся в русских сказках (вспомним сказку о Бове-королевиче). С другой стороны, оно несет аллюзивную нагрузку, отсылая к западноевропейской рыцарской традиции. А.С. Пушкин не случайно выбирает это имя, оно звучит достаточно «сказочно» и одновременно имеет литературную родословную [2].

Имя королевича Елисея из «Сказки о мертвой царевне» также обнаруживает двойную природу. Оно имеет библейские корни (пророк Елисей) и одновременно ассоциируется с фольклорным образом доброго молодца,

отправляющегося на поиски невесты. А.С. Пушкин наделяет этого героя чертами романтического рыцаря, что проявляется в его обращении к силам природы. Е.В. Лобанова отмечает, что «королевич Елисей обращается за помощью к силам природы – Солнцу, Месяцу, Ветру» [5]. Это обращение к языческим силам в сочетании с библейским именем создает сложный синтез, характерный для пушкинской поэтики.

Интересна проведенная поэтом трансформация имени «Черномор». В народной традиции Черномор – морской царь, персонаж низшей мифологии. А.С. Пушкин трансформирует этот образ. В сказке Черномор карлик с длинной бородой. Е.В. Лобанова отмечает, что «в пещере живёт волшебник Финн, в лесу и волшебном саду обитают «антагонисты» – колдунья Наина, чародей Черномор» [5]. Имя Черномор утрачивает прямую связь с морской стихией и становится знаком волшебного, враждебного начала.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» процесс авторской трансформации изменяет вектор именованности. Главные герои – старик и старуха – остаются безымянными, что соответствует фольклорной традиции. Однако золотая рыбка также не имеет имени, что необычно для фольклорной сказки, где такие персонажи часто именуется. Как отмечает М. Аллаги, «золотая рыбка символизирует не просто исполнение желаний, но неприятие человеческой жадности и неблагодарности» [3]. Отказ от имени подчеркивает не индивидуальность, а функцию.

В «Сказке о золотом петушке» появляется имя «Шамаханская царица», которое несет важную смысловую нагрузку. Данное женское имя отсылает к реальному географическому топосу, что создает восточный колорит. И. Ю. Ваганова и Т.А. Гридина рассматривают как «трансформацию образов главных героев ... как готическая принцесса из сказки Ирвинга превращается в пушкинскую Шамаханскую царицу» [4]. Через именование поэт осуществляет перевод западноевропейского сюжета в русский культурный контекст.

Важным аспектом пушкинского подхода также является использование языкового наследия – пословиц, поговорок, фольклорных формул. Как отмечает М. Аллаги, «он собирал и изучал народные песни, пословицы и идиоматические

выражения, аутентично внедряя их в свои произведения» [3]. В «Сказке о рыбаке и рыбке» встречается выражение «Не садися не в свои сани», которое становится нравственным итогом сказки. В «Сказке о попе и о работнике его Балде» финальная фраза «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной» также имеет характер пословицы.

Сами сказки А.С. Пушкина стали источником фольклоризации, породив новые мифологемы. Как показывают В.И. Абрамова и Ю.В. Архангельская, в современном интернет-фольклоре активно функционируют пушкинские мифологемы. Исследовательницы отмечают, что «в фольклоре Рунета пушкинский миф поддерживается и транслируется с опорой на традиционные, давно сформировавшиеся в массовом сознании представления» [1]. Это наблюдение показательно для понимания того, как пушкинские имена входят в национальный культурный код.

В пушкинских сказках появляются и авторские новообразования. Так, имя «Бабариха» из «Сказки о царе Салтане» не имеет прямых фольклорных аналогов и создано по модели народных имен с суффиксом -их(а). Сегодня оно стало актуальным в использовании, получив особую стилистическую нагрузку и языковые черты исконно русской лексемы, что воспринимается носителями языка как исконно народное слово.

Анализ пушкинского подхода был бы неполным без учета его новаторства в области поэтической формы. Как отмечает М. Аллаги, «на разработку А.С. Пушкиным поэтической формы, известной как «русский метр» (тактовик), повлияло изучение народной поэзии. Эта форма позволяет поэту передать ритм и дух традиционного русского стиха» [3]. Имена героев вписываются в ритмическую структуру стиха: имя «Гвидон» с его двусложной структурой органично входит в ритмический рисунок, имя «Балда» с ударением на втором слоге создает комический эффект.

В контексте анализа важна проблема двойной адресации пушкинских сказок. Исследователи современной детской литературы отмечают, что очевиден и факт двойной адресации таких текстов, предполагающий разную глубину

интерпретации игрового кода ребенком и взрослым [4]. Это наблюдение применимо к сказкам А.С. Пушкина. Ребенок воспринимает имена на поверхностном уровне, взрослый способен оценить глубину культурных ассоциаций.

Имена героев связаны с категорией художественного пространства. Е.В. Лобанова отмечает, что «в море живут «волшебные помощники» (золотая рыбка, Царевна-лебедь, морские витязи, бесы), в пещере живёт волшебник Финн, в лесу и волшебном саду обитают «антагонисты» – колдунья Наина, чародей Черномор» [5]. Имена оказываются связаны с пространственными локусами: Финн – с пещерой, Черномор – с садом, Царевна-Лебедь – с морем.

Имена связаны и с морально-нравственной проблематикой. Имя «Балда», несмотря на комическое звучание, связано с темой социальной справедливости. Имя старухи из «Сказки о рыбаке и рыбке», оставленное без индивидуального имени, подчеркивает типичность порока.

К.Б. Уразеева пишет, что «внимание к онтологии художественного мира писателя предполагает множественность точек зрения. Для полифонии смыслов важна функция и формы нарративного присутствия рассказчиков, полифоническая игра повествованиями и способы моделирования авторского сознания» [6]. Это высказывание можно отнести к анализу именованию, поскольку в именах фокусируются различные смысловые пласты.

В пушкинских сказках можно выделить несколько типов именования. Первый тип – имена, заимствованные из фольклора (Балда, Черномор и др.). Второй тип – имена, имеющие фольклорные прототипы, но трансформированные (Гвидон, Руслан и др.). Третий тип – авторские новообразования (Бабариха). Четвертый тип – отсутствие имени, которое также значимо (старик и старуха, золотая рыбка и др.).

Пушкинские имена стали частью русской культуры. Как отмечают исследователи, «в фольклоре Рунета пушкинский миф... поддерживается и транслируется с опорой на традиционные, давно сформировавшиеся в массовом

сознании представления... С другой стороны, образ Пушкина репрезентирован через актуальные для современного потребителя интернет-контента формы» [1].

Обращение к фольклорной традиции не было для А.С. Пушкина простым заимствованием. Это был глубоко осознанный творческий акт, направленный на создание национальной литературной сказки. К.Б. Уразеева говорит о парадоксе и методе работы писателя с русской народной сказкой [6]. Парадокс в том, что, отступая от канона, А.С. Пушкин создает тексты, воспринимаемые как подлинно народные. Метод состоит в глубоком проникновении в суть народной поэтики.

Таким образом, анализ именованых героев позволяет увидеть, как в конкретном приеме реализуется способность А.С. Пушкина к синтезу различных культурных традиций. Имена пушкинских героев стали неотъемлемой частью русской культуры, войдя в активный словарь носителей языка. Это свидетельствует о том, что авторский подход был ориентирован на глубинные закономерности народной ономастики.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с более детальным анализом каждого имени в контексте фольклорных источников, с привлечением сравнительного материала из западноевропейских сказок, а также с изучением функционирования пушкинских имен в современной культуре.

Список литературы:

1. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Значение Пушкина для русской культуры: мифологема и ее репрезентации в фольклоре Рунета // Art Logos. 2023. № 4 (25). С. 93-107.
2. Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Пушкинский миф в фольклоре Рунета: биографический аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 4 (49). С. 357–361.
3. Аллаги М. С. Фольклорные традиции в творчестве А. С. Пушкина и Махмуда аль-Мас'ади // Филология: научные исследования. 2025. № 12.
4. Ваганова И. Ю., Гридина Т. А. Моделирование сказочного ментального пространства в современной детской литературе: ономастический

регистр языковой игры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 6. С. 2496-2504.

5. Лобанова Е. В. Пространственные модели и образы фольклора в сказках А. С. Пушкина // Грани. 2022. № 1. С. 28–31.

6. Уразаева К. Б. Авторская позиция в художественном произведении как проявление идентичности // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2024. Т. 9, № 1. С. 18-27.

UDC 81`373.2

**FOLK TRADITION AND THE AUTHOR'S APPROACH IN NAMING
THE CHARACTERS OF A.S. PUSHKIN'S FOLK TALES**

Victoria M. Shvetsova

doctor of philology, professor

vmsh72@yandex.ru

Yulia S. Naruzhnaya

Student

yulia.naruzhnaya@mail.ru

Tambov State University named after G.R. Derzhavin"

Tambov, Russia

Abstract. The article is devoted to the assessment of the conditions of the influence of folklore traditions and individual author's approach on the process of naming the heroes of A.S. Pushkin's fairy tales. Based on the analysis of the anthroponymicon of Pushkin's fairy tales, the ways of transformation of folklore prototypes and the mechanisms of creating author's onyms are established and described, and their role in modeling the artistic world is evaluated. The paper substantiates that Pushkin's approach to naming characters reflects a complex synthesis of folk tradition and individual authorial consciousness, which manifests itself in the

imitative and allusive principles of language play, in the Christianization of pagan images, and in the attribution of names with a characteristic function. Special attention is paid to the connection between the author's position and the manifestations of cultural and national identity. The results obtained allow us to consider the anthroponymy of Pushkin's fairy tales as an essential element of the poet's artistic anthropology.

Keywords: folklore tradition, authorial approach, fairy tales by A.S. Pushkin.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.